
С. Н. ФОЛОМЕЕВ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1891–1892 ГОДОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Рассматриваются обстоятельства массового голода в Поволжье, а также отношение власти и представителей различных социальных и политических групп к оказанию помощи голодающему населению. Представлен анализ их действий.

Ключевые слова: *власть, общество, кризис, голод.*

Летом 1891 года несколько губерний страны, особенно поволжские – Самарскую, Казанскую, Нижегородскую, – поразила сильная засуха. Бедственное положение в Самарской губернии усугубилось тем, что засухе предшествовал ряд неурожайных лет. Царское правительство и местные власти вначале делали вид, что ничего серьезного не произошло. Так, нижегородский губернатор Н. М. Баранов, которого вместе с саратовским губернатором А. И. Косичем В. И. Ленин назвал одним из «знаменитых российских помпадуров» (Ленин 1967б: 270), писал в своем отчете, что в ряде уездов «сочинен голод, которого здесь, в сущности, не было и нет» (цит. по: В. И. Ленин... 1973: 14). В действительности голод принес катастрофические последствия. Осенью 1891 года русский экономист Н. Ф. Даниельсон, идейно близкий к народничеству, сообщал Ф. Энгельсу: «Для поддержки своего существования крестьяне распродают все, что у них есть. Они перестали быть самостоятельными хозяевами. Без орудий труда, без рабочего скота, хозяин уже не хозяин... Из различных губерний (Самарской, Казанской) сообщают о случаях голодной смерти. Что же будет зимой? А весной?» (К. Маркс... 1967: 546).

Осенью 1891 года, видя надвигающийся голод, власти стали не только говорить о предоставлении населению нуждающихся губерний хлебных ссуд и пособий, но и предлагать другие меры. «Главная из них представлялась циркулярами по министерствам внутренних дел и финансов, предписывавшими губернским вла-

стям соблюдать осторожность при взимании выкупных платежей и других государственных сборов с населения в настоящем году и воздерживаться до жатвы будущего года от обычных побудительных мер по взысканию недоимок... Другой существенной помощью населению стало последовавшее в августе распоряжение министра финансов об удешевлении проезда по железной дороге из нуждающихся областей и обратно лиц, отправляющихся на отыскание заработков. Размер пассажирских тарифов для них понижен до 1/4 нормальной платы... Упомянем еще об особом распоряжении по министерству государственных имуществ – о разрешении в предстоящие осень (с 1 сентября) и зиму крестьянам 20 нуждающихся губерний заготавливать себе дрова из валежного леса и собирать хворост в казенных лесах...» (Внутреннее... 1891а: 138–139).

Не осталась в стороне и церковь. Распоряжением Св. Синода для сбора пожертвований предлагалось «учредить в епархиальных городах особые комитеты под председательством епископов, из лиц духовных и светских, а также уездные комитеты... устраивать бесплатные столовые при архиерейских домах, монастырях и церквях и обносить при каждом богослужении в церквях особую кружку для подаваний». Высказывалось пожелание, что «сбор частных пожертвований в пользу голодающих должен бы производиться также во всех... светских учреждениях, земствах и т. д.» (Там же: 139).

Демократическая общественность приняла деятельное участие в оказании помощи голодающим. Формы помощи были самыми разнообразными. Так, студенты Московского университета весь сбор со своего концерта – 5669 руб. – перечислили в пользу голодающих. Была открыта подписка среди студентов и профессоров университета, которая дала 5040 руб. 55 коп. Собственно студенческие взносы составили 4200 руб. (Внутреннее... 1891б: 221). Одна из крупнейших газет «Русские Ведомости», выступавшая с либеральных позиций, издала литературный сборник «Помощь голодающим» в количестве 6100 экземпляров. Деньги, полученные от его реализации, были направлены на благотворительные цели в том числе «в г. Сызрань женщине-врачу – С. Л. Гурвич – 500 руб. Сызранского уезда, уд. с. Томышево, через Д. И. Воейкова – 200 руб. Самарской губернии для Николаевского уезда, Е. А. Котляревский – 600 руб.; Новоузенского уезда – зем. начальнику IV Померанцеву – 400 руб.; Самарского уезда, Липовской вол., в с. Дмитриевку В. В. Всеволожскому – 200 руб. Итого 17.530 руб.» (Внутрен-

нее... 1892б: 234–236). Однако проявления сострадания не встречали особой поддержки властей. Сборы на благотворительные цели осуществлялись в частном порядке, через доверенных лиц и, как правило, не афишировались демократической общественностью, так как подобные мероприятия вызывали беспокойство властных структур и в центре, и на местах. Очень часто они служили прикрытием сбора средств на революционные цели и покупку нелегальной литературы.

Когда голод стал страшной явью, пришли в движение демократические круги общества. Очевидец этих событий, член социал-демократического кружка в Самаре А. А. Беляков (1960: 127), писал: «Так называемое “общество” забило тревогу, зашумела пресса, и правительство, наконец, увидев “недород”, разрешило устраивать столовые, питательные и лечебные пункты и даже раскаталось на организацию “общественных работ” для помощи голодающим». Появились различные благотворительные комитеты. Вот как характеризовалась деятельность таких комитетов в статье А. В. Погожева, опубликованной в «Русском богатстве» со ссылкой на одну из провинциальных газет: «Хотя пожертвования потекли со всех сторон и, пожалуй, соберется значительная сумма, но все это делается как-то мертво, официально, точно повинность какая отбывается; нет живого, деятельного проявления сострадания» (Погожев 1892: 20, 24).

Но даже на фоне такого отношения к народному бедствию позиция нижегородского губернатора Н. М. Баранова отличалась особым цинизмом. В первом же гласном заседании продовольственной комиссии (1 декабря 1891 года) он озвучил следующую программу помощи голодающим: «В уездах и городах губернии существует у отдельных лиц и формирующихся негласных кружков склонность собирать в пользу пострадавших от неурожая пожертвования и раздавать их нуждающимся самостоятельно... Не говоря уже о том, что эта форма благотворительности не подвергается необходимому контролю, надо иметь в виду, что она не может достигать своего назначения. Вследствие этого предполагается сделать распоряжение о том, чтобы никто в губернии без специального разрешения не имел права собирать пожертвования в пользу пострадавших от неурожая и раздавать полученные суммы помимо с этой целью в губернии организованных учреждений... Вместе с тем признается необходимость воспретить лицам, желающим получить продовольственную помощь, обращаться непо-

средственно в какие бы то ни было учреждения, заведующие сбором и распределением пособий, пострадавшим от неурожая, помимо своего ближайшего и непосредственного начальства» (Плеханов 1923б: 373). «Начальник губернии свидетельствует, что местная благотворительность дает с избытком возможность удовлетворить настоящие случаи острой нужды» (Внутреннее... 1891б: 212). Таким образом, благотворительностью, по мнению Баранова, могут заниматься только государство и местные власти, которых надо благодарить за заботу.

Правительством был организован «Особый комитет для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем». Его работой руководило Особое Совещание об общественных работах, в заседании которого принимал участие Александр III. Либеральная пресса с восторгом встретила это известие. «Всепопданнейший рескрипт на имя Государя Наследника Цесаревича, от 17 числа минувшего месяца (17 ноября 1891 года. – С. Ф.) о назначении его Высочества председателем вновь утвержденного комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях был радостно встречен всей Россией... Предоставление этим лицам достаточных способов пропитания, равно как и охранение вообще нуждающихся вследствие неурожая от тягостных лишений, не может не быть для правительства предметом попечения первостепенной важности. Утешительные слова эти, несущие надежду страждущим, отзовутся и в сердцах всего общества, возбуждая еще более те проявления общественной помощи, за которыми Государь следит с сердечным участием» (Там же: 199).

Вот как характеризовал деятелей «Особого комитета» тогдашний руководитель российской социал-демократии за границей Г. В. Плеханов (1923а: 339): «В члены комитета выбраны столь популярные лица, как Победоносцев, Дурново, фон Плеве, Воронцов-Дашков и гофмейстер граф Строганов. Мрачный, полупомешанный изувер, два полицейских сыщика и два придворных интригана под председательством больного наследника – вот кому поручено главное руководство делом общественной благотворительности». В столь колоритной характеристике, данной Плехановым деятелям комитета, видна резкая идейная неприязнь к власти. Но, безусловно, прав был Плеханов и в том, что поручать заниматься общественной благотворительностью чиновникам государства, в значительной степени ответственным за бедственное положение

населения, есть дело малопродуктивное, как правило, ведущее к коррупции.

Особое Совещание утвердило план общественных работ в Самарской губернии. На эти цели было выделено 1,5 млн. руб., в то время как губернское земское собрание определило нужду населения в 8 813 901 руб. (Красноперов 1892: 461). Всего земцы запросили у правительства 9,8 млн. руб. На это «представитель министерства финансов без дальнейших околичностей заявил самарскому экстренному земскому собранию, что размер ссуды не может простираться далее 6 милл.». Реально же самарское земство получило всего 4,4 млн. руб. (Плеханов 1923а: 338). По оценке И. М. Красноперова, заведующего статистическим бюро губернской земской управы, уже осенью 1891 года только в Самарской губернии голодали 963 020 человек, или 48 % населения губернии. При этом, согласно распоряжению министра внутренних дел, «были исключены из числа нуждающихся все работники в возрасте 18–55 лет и дети моложе 2-летнего возраста» (Красноперов 1892: 463–464). Эти категории населения должны были обеспечить себя сами.

По словам известного писателя Г. И. Успенского, «средства эти, сравнительно с размерами сельскохозяйственного кризиса в Поволжье, крайне незначительны и... все старания земских собраний заключаются единственно в заботе – елико возможно сократить количество “едоков” и десятин посева». Со ссылкой на газету «Русские ведомости» писатель показал, как выдавались эти ссуды. В частности, Николаевское уездное земство Самарской губернии «выдавало ссуду только на наделный двор, занимающийся хозяйством; все же безхозяйные дворы лишены были ссуды, а между тем таких в уезде состоит налицо 9,182 двора, что составляет 18,4 % общего числа дворов в уезде. Земское собрание постановило всех таких безхозяйных вдов, сирот, посторонних лиц и мещан, проживающих в селениях, продовольствовать на средства общества из остатков полученных ссуд». Таких по губернии насчитывалось «41.833 двора и посторонних во дворах 19.202... Следовательно, для прокормления только этого населения в течение года потребуется до 2 млн. пудов хлеба» (Успенский 1891: 92, 94).

Он также отмечал, что «в некоторых местностях Новоузенского уезда было роздано на обсеменение овинное зерно, т. е. мертвое, обреченное на погребение в земле, а не народению колоса. На протесты местных обывателей последовали опровержения двух гласных, закупивших мертвое зерно, и земского начальника. В про-

тестах обывателей, между прочим, было указано на опыт крестьянина Покровской слободы В. Я. Сергиенко – посеять 100 зерен мертвого хлеба, после чего получилось всего 2 отростка... Крестьян спасли не гласные и не земский начальник, а местные же крестьяне, обменявшие мертвое зерно на живое» (Успенский 1891: 100).

Та же по существу оценка земских деятелей встречается в письме помещика Протопопова из Николаевского уезда Самарской губернии, опубликованного в «Русских Ведомостях» за 15 сентября 1891 года. По составленным сельскими писарями спискам нуждающихся уполномоченные крестьяне стали получать хлеб. «Тут обнаружилось какое-то странное недоразумение. Так, крестьяне села Подъем... к удивлению своему узнали, что их уполномоченным выдано на некоторых самых бедных домохозяев по одному или по два пуда, между тем как люди зажиточные, даже торговцы, вовсе не производящие посева, получили кто десять, а кто двенадцать пудов... Одному из крестьян села Подъема приходилось, ввиду неправильности распределения пособий, получить всего I пуд. Он отказался и с отчаяния хотел зарезаться косой. И лишь частная помощь выручила его». Этот неединичный случай Плеханов (1923а: 324) дополняет своим комментарием, не потерявшим актуальности до сих пор: «...если ты имеешь много, то тебе еще дадут, если же мало, то и это очень малое не возьмут лишь по невозможности взять его, и уж во всяком случае предоставят тебя всем бедствиям голода и нищеты».

«В том же уезде на продовольствие крестьянам в сентябре было выдано только по 10 фун. хлеба на нерабочего человека (рабочим не давали ничего), а в октябре по 20... В селе Абашеве (Самарского уезда) отпущено на октябрь 62 пуда ржи (на 699 едоков)», к которым опять-таки относятся только лица нерабочего возраста. «Это составляет по 3½ фунта на едока в месяц или по 14½ золотников в день» (Там же). (Фунт – 0,40951241 кг; золотник – 4,266 г.)

Успенский со ссылкой на газету «Русская жизнь» (№ 292) показывает, как осуществлялась помощь голодающему населению Самарской губернии. «Покупка хлеба была поручена только одной губернской управе, состоящей всего из 4-х человек, включая в это число и председателя управы. Наступило роковое 1 сентября, с которого надо было начать кормить голодающее население... Один из членов управы, г. Дементьев, 2 месяца назад был командирован на юг, но до сих пор губернское земство не знает, что случилось с возложенной на г. Дементьева миссией... Председатель губернской

управы... отправился к одному из местных мучных дел мастеров, г. Шихобалову, у которого и купил 12.800 пудов муки, так называемого 5 сорта, по 1 руб. 15 коп. за пуд и представил уездному земству. Получив эту муку, уездная управа выдала ее обществам Студенецкой, Сорочинской и Новокостычевской волостей. В настоящее время факт констатированный, что купленную г. председателем мукой 5 сорта питаться нет возможности, так как без значительной примеси ржаной муки выпечь хлеба из нее физически невозможно. Об этом довели до сведения уездной земской управы, а последняя, посоветовавшись с кем следует, разослала по волостям наставление: “Уездная управа дает знать волостному правлению, что из посланной на продовольствие муки может быть испечен годный к употреблению хлеб только с прибавлением к ней 1/3 или 1/2 ржаной муки, о чем и предлагает объявить населению получивших эту муку сельских обществ”» (Успенский 1891: 102, 103).

Позднее «Внутреннее обозрение» «Русской мысли» в умеренных политически выдержанных тонах так освещало деятельность самарского губернского земства и его руководителя П. В. Алабина, который в современных исследованиях характеризуется исключительно с положительной стороны: «В деятельности земства Самарской губернии обнаружались некоторые недостатки... Местное земство слишком запоздало со своими мерами помощи, вследствие чего много было продано за бесценок крестьянского скота и корма. Списки нуждающихся составлялись по тому сведению, без достаточной проверки, так что ссуды распределялись без различия крестьян самостоятельных и бедных; при покупке хлеба от нераспорядительности образовались залежи, наконец, значительные партии недоброкачественного зерна были приняты от фирмы Луи Дрейфуса, против которой, вслед за тем, возбуждено дознание судебным порядком» (Внутреннее... 1892а: 203–204).

Не менее «успешно» выполнил свою миссию и уполномоченный самарского губернского земства по закупке хлеба, о чем можно судить по газетным сообщениям того времени и комментариям к ним Плеханова. «В редакцию одной одесской газеты доставлена проба пшеницы, отправленной со станции Жеребково, “по свидетельству на провоз Самарского земства”. Газета говорит: “По этой пробе можно судить о качестве отправляемой пшеницы; высыпав пробу на лист бумаги, мы увидели в ней массу мелких черненьких зерен, которые обыкновенно находятся внизу зерна и сразу не заметны; это и есть сорная трава; затем, там же мы нашли примесь

песку и даже маленьких камешков”... А между тем председатель самарской губернской земской управы, г. Алабин, исправляет промахи и неурядицы своего земства только при помощи газетных опровержений, весьма кратких и голословных, положим, но решительных, категорических, не вдающихся ни в какие объяснения по существу... Здесь мы сталкиваемся с вопросом – кем же могут быть заменены эти хищники. “Изъяв” продовольственное дело из ведения земства, правительство передаст его в ведение чиновников. А чиновники окажутся еще хуже земцев. Разница будет лишь в том, что об их хищениях, пожалуй, совершенно запретят говорить в печати» (Плеханов 1923а: 327–329). Здесь же Плеханов, ссылаясь на корреспонденции «Волжского вестника», говорит о коррупции среди земских деятелей в Саратовской губернии.

Несмотря на бедствия людей, царское правительство продолжало тешить себя надеждой, что принятых мер будет вполне достаточно. Трагические события тех дней ярко освещены в письме самарского жителя И. Н. Горбунова, отправленном в «Особый комитет» 3 марта 1892 года, в котором он писал об ужасающем положении жителей с. Горяиновки Николаевского уезда, с. Кошки и татарских деревень Новой и Старой Тюгальбуги: «Крестьяне... питаются хлебом, образец которого посылаю, посылаю также образец муки. Это лебеда, земля и толченая солома, ни одной капли настоящей муки. Пуд муки этого рода стоит на месте 50 коп...» (РГИА 1891–1893: 167, 167 об.). Письмо Горбунова было передано из комитета губернатору А. С. Брянчанинову. Отвечая на запрос комитета, Брянчанинов писал: «Бедственное положение населения... преувеличено... крестьяне... особенно острой нужды по сравнению с другими не испытывали...» (Там же: 166, 166 об.). Яркие картины голода 1891–1892 годов в Самарской губернии можно найти в записках А. Н. Толстого (Алексей Толстой... 1982: 27–28, 43–44, 46–47).

Любопытна оценка питания голодающего населения, данная основоположником научной гигиены в России профессором Московского университета Ф. Ф. Эрисманом, уволенным в 1896 году по политическим мотивам. «При питании лебедяным хлебом, полученным нами от г-жи А. Н. Брадке из Новосильского уезда Тульской губернии и содержащим 75 % лебеды и 25 % ржи с полевой гречишкой», возникают следующие симптомы: «заметное угнетение нервной системы, несоразмерный упадок сил, по временам головокружение, падение температуры тела и уменьшение числа

сердцебиений... Из 6 белых крыс, привыкших к черному хлебу, которым в нашей лаборатории предлагался лебедяной хлеб, 5 штук издохло в первые же дни кормления этим хлебом, причем у всех из них, при вскрытии, были найдены явные признаки гастроэнтерита». Его политическая оценка ситуации, данная в научном обзоре либерального издания (журнал «Русская мысль»), вряд ли осталась без внимания властей: «Примес к ржаной муке лебеды, полевой гречишки и других сорных трав, различных жмыхов, соломы и т. п. неудобоваримых для человека или вредных для него веществ составляет зло, к устранению которого необходимо стремиться всеми силами... В современном государстве употребление хлебных суррогатов, в вышеуказанном смысле, нетерпимо» (Эрисман 1892: 146, 149).

Даже в письме царю верноподданных жителей г. Бузулука Самарской губернии Д. Денисова и П. Тарасова, уповавших на помощь самодержца, дана верная оценка правительственной деятельности по борьбе с голодом: «...они (комитетские деятели. – С. Ф.) чужды, а наблюдают единственно свои интересы из корыстных видов... все комитетские деятели и уездные власти на комитетский счет живут...» (РГИА 1891–1893: 193, 193 об., 194, 195 об.).

В Самаре по инициативе преосвященного Владимира был образован епархиальный благотворительный комитет (Красноперов 1898: 49). В него входили священники, купцы, представители буржуазии, чиновники. Туда же были приглашены В. В. Водовозов, Н. С. Долгов, А. И. Ливанов, И. М. Красноперов и другие представители демократически настроенной интеллигенции Самары. Вовлекая в него поднадзорных, комитетские деятели стремились создать видимость единства действий всего общества в борьбе с голодом. Деятельность комитета выражалась в организации столовых, платных танцевальных и других вечеров в пользу голодающих, сборе пожертвований от частных лиц и т. д.

С наступлением голода вспыхнула эпидемия тифа, от Саратова надвигалась холера. Правительство дало указание об организации санитарных отрядов, основной контингент которых составляла молодежь. Этим обстоятельством воспользовались народники для пропаганды своих взглядов среди угнетенных слоев общества. Все это вызывало беспокойство властей.

В то же время всячески поощрялась деятельность лояльно настроенного по отношению к власти врача В. О. Португалова, неоднократно выступавшего перед рабочими и крестьянами с лекци-

ями о пьянстве, о народных чтениях и т. д. Поддерживались властями и проповеди священника Лаврского о страданиях Иисуса Христа на земле (Красноперов 1898: 49). Губернские власти гораздо больше заботились о тишине и спокойствии, нежели об оказании хоть какой-то реальной помощи голодающему населению. Даже разрешенные правительством общественные работы представляли собой скорее видимость оказания помощи, чем саму помощь. Несмотря на то что население голодало уже с осени 1891 года, общественные работы в Самаре были открыты только после Нового года. Работы были рассчитаны на 5 тыс. пеших и 2 тыс. конных. По оценке близкого к народническим кругам Водовозова (1892: 489), всего в Самарской губернии нуждалось в работе 270 000 человек. Даже исходя из этих явно заниженных цифр, вряд ли можно говорить о каком-то серьезном подходе по оказанию помощи голодающим.

Как отмечал И. М. Красноперов (1898: 47–48), рабочие получали в день от 15 до 30 копеек, причем обед в благотворительных столовых, охватывавших 30 тыс. человек, стоил 13 копеек. Следовательно, работающим нечего было и думать об оказании какой-то помощи своим семьям. Следует также принять во внимание, что уполномоченные руководить общественными работами, по свидетельству А. А. Белякова (1960: 135), только за год получили 180 тыс. руб. на бездокументные расходы, которые и положили в свой карман. Конечно же, зная об этом, В. В. Водовозов тем не менее пытался доказать, что на общественные работы «нельзя смотреть исключительно как на один из способов поддержать крестьян в критический для них год», что они принимают «характер общественно-полезного сооружения, предпринятого в удобный для него (общества. – С. Ф.) момент» (Водовозов 1892: 491). Фактически же власти, используя голод, усилили степень эксплуатации и без того разоренного народа, получили возможность наживаться на дешевой рабочей силе.

Не остались в стороне от этого события и социал-демократы. В связи с тем, что многие самарские рефераты В. И. Ленина не обнаружены до сих пор, обратимся к его работе, написанной несколько позже. Он указывал, что «социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений. А вряд ли кто станет утверждать, что серьез-

ная помощь возможна без революционных мер» (Ленин 1967а: 233). Характерно, что точка зрения молодого Ленина на отношение социал-демократов к голоду 1891–1892 годов в значительной степени совпала со взглядами Плеханова, который главную причину часто повторяющихся голодовок в России видел в отжившей свой век системе помещичьего землевладения и реакционной политике царского самодержавия, приведшего к «всероссийскому бедствию». «Старый экономический строй России рассыпается, как карточный домик, как гнилушка, истлевшая и обратившаяся в пыль... Надо поставить русское земледелие в новые общественные условия, а это будет возможно только тогда, когда изменятся экономические отношения России» (Плеханов 1906: 19, 40).

Такую же позицию по этому вопросу занял молодой казанский социал-демократ Н. Е. Федосеев. «Почему... теперь лучшая молодежь, идейная молодежь, увлеклась “столовыми”? Неужели потому, что в эту сторону ветер подул? Неужели под влиянием этого ужасного бедствия она потеряла голову и забыла, что столовыми тут не поможешь и что голод не от засухи? Как много альтруизма у молодежи, какая чуткая душа, помочь голодающему народу... с пустыми руками и карманами!» (Федосеев 1958: 90, 91). Плеханов (1923а: 356) для характеристики ситуации использовал образ «вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий». Определенное сходство позиций и образов указывает на знакомство Федосеева с работами Плеханова. Однако в лагере российских социал-демократов по вопросу о голоде имелись и расхождения (Фоломеев 2013: 80–82).

Ленин решительно выступил против какого-либо сотрудничества с комитетскими деятелями и властями, разясняя, что у эксплуатируемых не может быть никаких общих интересов с эксплуататорами. В мемуарах, изданных за границей, Водовозов писал, что сам Ленин на заседаниях комитета не бывал, но «свою позицию В. Ульянов развивал на частных собраниях у меня, у Ульяновых и вообще всюду, где собиралась революционно и оппозиционно настроенная публика и где он имел возможность выступать и высказывать свою точку зрения». Много лет спустя автор вынужден был признать, что Ленин «оказался, конечно, прав», когда доказывал, «что наши столовые будут своего рода “пропагандой действия” за примирение с существующим строем, породившим голод». В мемуарах Водовозова указана и позиция Ленина по вопросу о голоде. По его словам, Владимир Ильич доказывал, что «голод

есть прямой результат определенного строя, и, пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй». Как видим, взгляды Ленина, изложенные в статье «Проект программы нашей партии», совпадают с его позицией по вопросу о голоде, приведенной в воспоминаниях Водовозова. Но и политические разногласия оппонентов также нашли отражение в мемуарах. Так, по Водовозову, Ленин выступал против комитета только для того, чтобы за идейной позицией спрятать нежелание оказывать помощь голодающим и использовать голод в своих политических целях. Вероятно, выпад Водовозова связан с достаточно успешной деятельностью самарских марксистов. «На чьей стороне была победа, – писал мемуарист, – сказать трудно. Несомненно, что за Лениным было очень небольшое меньшинство, но это меньшинство твердо держалось на своих позициях... Обратные случаи, когда пропаганда Ленина убеждала наших сторонников, отрывала их от нас, были, – в небольшом количестве, но были» (Водовозов 1925: 177–179).

Выступления Ленина и его сторонников против деятельности благотворительного комитета оказали определенное влияние и на позицию И. М. Красноперова – заведующего статистическим бюро губернской земской управы. Вполне возможно, что под воздействием критических замечаний со стороны социал-демократов и фактического бездействия благотворительного комитета Красноперов и его сотрудник А. С. Любецкий вышли из состава благотворительного комитета (Беляков 1960: 132).

Выйдя из организации, Красноперов и другие поднадзорные продолжали в частном порядке оказывать помощь голодающим. Красноперов, используя свои связи и влияние в Петербурге и других городах, получал на эти цели от разных лиц денежные пожертвования. Для организации помощи голодающим в Самаре приезжали Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, дочь известного педагога Ушинского – Надежда Ушинская. Вождь либерального народничества Н. К. Михайловский послал в Самарскую губернию своего племянника А. Г. Мягкова, который с осени 1891 года жил в с. Куроедовке Ставропольского уезда и организовал здесь столовую для голодающих, оказывал помощь в борьбе с холерой и цингой.

Однако все меры, предпринимаемые правительством, различными благотворительными организациями и частными лицами, не могли дать желаемых результатов. Л. Н. Толстой писал в 1892 году: несмотря на то, что помощь голодающим «продолжается... все

яснее и яснее становится пальятивность ее и необходимость основного лечения» (цит. по: Иванский 1964: 642). Деятельность благотворительного комитета в Самаре продолжалась до июня 1892 года.

Подводя итоги деятельности «Особого комитета помощи голодающим», генерал от инфантерии М. Н. Анненков в ноябре 1892 года с гордостью докладывал царю: «В период наибольшего развития работ общее число рабочих, находившихся одновременно на всех сооружениях в разных местах нашего отечества, доходило до 160.000 человек в день. Принимая, что один работник, кроме себя кормит семью в 4 человека, можно полагать, что общественные работы в этот период давали пропитание 800.000 душ населения, пострадавшего от недорода хлебов» (РГИА 1892–1895: 117, 117 об.). Между тем, по оценке Красноперова (1892: 464), общее число нуждавшихся жителей только в Самарской губернии составило 1 368 544 человека. Кроме того, весьма сомнительно, что работнику, получающему в день от 15 до 30 копеек, при стоимости одного только обеда в 13 копеек, удавалось еще кормить семью в четыре человека.

Давая оценку деятельности правительства во время голода 1891–1892 годов, Ленин отмечал, что «в эти моменты хищническое государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа» (Ленин 1963: 278).

Справедливости ради следует отметить, что некоторые представители власти видели масштабы надвигающейся катастрофы еще осенью 1891 года и пытались обратить на это внимание правительства. Так, директор департамента неокладных сборов А. С. Ермолов в докладной записке на имя министра финансов И. А. Вышнеградского сигнализировал: «На Россию надвигается страшный призраок голода – необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для предупреждения грядущего бедствия» (Ермолов 1909: 100). Между тем в 1891 году вывоз хлеба за границу не сократился и составил 391,2 млн. пудов на сумму 354,1 млн. руб. (Байбиков 2013: 137).

Как уже было сказано, в условиях голода 1891–1892 годов власти в большей степени были озабочены соблюдением порядка и спокойствия, нежели оказанием реальной помощи голодающему населению. При реализации явно недостаточных государственных программ помощи обычным явлением стали факты коррупции чиновников и поставщиков продовольствия.

Благотворительная помощь со стороны общественности при всей ее важности с моральной точки зрения не могла сколько-нибудь существенно облегчить страдания населения из-за незначительности имевшихся средств. Голодающее население молчало, изредка посылая челобитные в различные инстанции с мольбами о помощи. Каких-либо зримых протестных настроений в губернии не наблюдалось.

Политические силы, находившиеся вне закона, фактически раскололись на два лагеря: поддержавший правительство и его начинания, тешивший себя иллюзиями, что принятых правительством и местными властями мер будет вполне достаточно, и леворадикальный, спектр действий которого простирался от организации благотворительных пунктов питания, оказания врачебной помощи голодавшим, заболевшим цингой и холерой, до ведения революционной пропаганды с целью подрыва основ существовавшего строя и отказа от какого-либо сотрудничества с властью и благотворительными организациями, рассматривавший возникшую ситуацию с позиций «чем хуже – тем лучше» (т. е. чем сильнее нужда народа, тем выше его революционная активность). Вне зависимости от занятой политической позиции одни не имели достаточной финансовой и политической возможности для реальной помощи голодавшему населению, другие считали, что и сделанного вполне достаточно. Но и те и другие стремились использовать голод в своих интересах, стараясь предстать перед народом в роли защитника и благодетеля. Последующие социальные катаклизмы в России неизменно показывали, что в соответствии со сложившейся политической традицией все социальные инновации осуществлялись властью «для блага народа» и за счет самого народа, при отсутствии у последнего права выбора и возможности обсудить и отвергнуть благодеяние свыше.

Литература

Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. 1982. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во.

Байбиков, В. Ю. 2013. Российско-германская таможенная война и торговый договор 1894 г. в общественном мнении России. *Вестник Самарского государственного экономического университета* 9(107): 132–142.

Беляков, А. 1960. Юность вождя. В: Палагин, Е. П., Кожевников, В. А., *Владимир Ильич Ленин в Самаре: Воспоминания современников*. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, с. 91–148.

В. И. Ленин и революционное Поволжье: сб. ст. 1973. Горький: б. и.

Внутреннее обозрение. 1891а. Русская мысль. Кн. IX, с. 135–161.

Внутреннее обозрение. 1891б. Русская мысль. Кн. XII, с. 199–224.

Внутреннее обозрение. 1892а. Русская мысль. Кн. I, с. 193–218.

Внутреннее обозрение. 1892б. Русская мысль. Кн. IV, с. 211–254.

Водовозов, В.

1892. Общественные работы в Самаре. *Юридический вестник* X(3): 489–492.

1925. Мое знакомство с Лениным. *На чужой стороне* XII: 174–180.

Ермолов, А. С. 1909. *Наши неурожай и продовольственный вопрос.* Ч. I. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

Иванский, А. 1964. *Молодой Ленин: Повесть в документах и мемуарах.* М.: Политиздат.

К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. 1967. М.: Политиздат.

Красноперов, И.

1892. Самарский голод и его причины. *Юридический вестник* X(3): 450–465.

1898. 1891 год / отрывки из воспоминаний. *Мир божий* 12: 43–58.

Ленин, В. И.

1963. Признаки банкротства. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 6, с. 27–279.

1967а. Проект программы нашей партии. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 4, с. 21–239.

1967б. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. Т. 1, с. 125–346.

Плеханов, Г. В.

1906. *О задачах социалистов в борьбе с голодом в России: приложение к «Дневнику» № 5. Перепечатано без изменений с 1-го Женевского издания.* СПб.: Пролетариат.

1923а. Всероссийское разорение. В: Плеханов, Г. В., *Соч.* Т. 3. 1888–1892. *На русские темы* / под ред. Д. Рязанова. М.; Петроград: Госиздат, с. 310–355.

1923б. О задачах социалистов в борьбе с голодом (Письма молодым товарищам). Письмо второе. Вероятные последствия голода. В: Плеханов, Г. В., *Соч.* Т. 3. 1888–1892. *На русские темы* / под ред. Д. Рязанова. М.; Пг.: Госиздат, с. 369–386.

Погожев, А. В. 1892. Апатия голодания и гигиена. *Русское богатство* 4–5: 18–41.

Успенский, Г. И. 1891. Безхлебье. *Русская мысль*. Кн. XI: 92–106.

Федосеев, Н. Е. 1958. *Статьи и письма*. М.: Политиздат.

Фоломеев, С. Н. 2013. В. И. Ленин и самарское революционное подполье (1889–1894 гг.): на пути к социал-демократии. Самара: ВЕК 21.

Эрисман, Ф. Ф. 1892. Питание голодающих. *Русская мысль*. Кн. IV: 128–155.

Архивы:

РГИА – Российский государственный исторический архив.